

УДК 821.161.1(049.32)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)-021

А. В. Марков
Москва, Россия

**НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА В ЛИТЕРАТУРЕ
(Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия.
Серия Универсалии культуры.
Вып. VII: монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. — М.: ФЛИНТА : Наука, 2016)**

A. V. Markov
Moscow, Russia

**NEW PERSPECTIVES FOR TRADITIONALISM STUDIES IN LITERATURE
(Russian traditionalism: history, ideology, poetics, literary reflection.
Series: Cultural Universalia.
Issue 7. A monograph, ed. Natalia Kovtun. Moscow: Flinta & Nauka Publishing, 2016)**

Слово «традиционализм» может употребляться в различных значениях: аксиологическом, обозначая приоритет традиционных ценностей и установок над инновациями, эстетическом, обозначая разработку традиции и принятие из традиции инструментов для этой разработки, и наконец, методологическом, обозначая на этот раз понимание традиции как самой общей рамки для интерпретации художественных явлений. Различаются эти понимания не только исследовательскими приоритетами, но и самим хронотопом, самим качеством временной длительности, в которой существует исследователь. Для аксиологии достаточно брать сколь угодно малые временные отрезки, для эстетики желательнее понимать, сколь по-разному можно чувствовать длительность времени, тогда как методология требует существования в просторе большого времени. Именно такой путь от аксиологии через эстетику к методологии очевиден в коллективном труде, многие методологические принципы которого продолжают предыдущий выпуск серии [Сибирская идентичность 2015]. Это позволяет продуктивно преодолеть противопоставление между традиционализмом, понимаемым как предпочтение устойчивых культурных кодов и культурных архетипов [Большакова 2000: 8–14] и неотрадиционализмом, толкуемым как восстановление эстетической гармонии с учетом предшествующего опыта рефлексии, разочарований и катастроф [Скляр 2014: 9–10].

Первый раздел труда посвящен по преимуществу традиционалистской топологии. Топосы традиционной прозы оказываются часто топосами в буквальном смысле, указанием на те места, которые особо дороги или особо важны. При этом данные топосы, места — это не места ностальгии: наоборот, ностальгия у традиционалиста всегда должна перебиваться традицией как проектом, как направленным в будущее переживанием одних и тех же «родных» мест. Такой традиционализм рискует стать утопическим и проективным, и авторы раздела выясняют, что отделяет традиционалистскую систему переживаний от утопической эмоции. Оказывается, что такой гранью различия оказывается структурирование героем са-

мых важных собственных воспоминаний, когда сильной эмоции отвечает и сильная словесная работа (статьи Е. Шевчуговой, Я. Солдаткиной о специфике поколенческой памяти как коллективного переживания самой речевой стихии). Другой способ преодоления утопии представлен в прозе, постоянно создающей свои места памяти (статьи Н. Хрящевой, С. Горбенко о разных формах пересоздания образа сельской жизни как жизни интенсивного типа). Наконец, исследуется переизобретение традиции в условиях тоталитарного государства как того, что структурно не вписывается в утопию, хотя и иногда служит ей (статья Т. Кругловой о границах соцреализма). В этом же разделе есть важные статьи о Н. Клюеве (А. Казаркин) и Б. Чичибабине (Б. Егоров). В первом случае мы видим, как традиционализм оказывается логическим продолжением рациональной критики стилизаций, во втором — как соединение консервативной поэтики с новыми эстетическими идеями позволяет взглянуть со стороны на авангардный советский проект, вычленив в нем разные формы переживания времени и перемен. Наконец, статья Н. Пращерук посвящена новейшей консервативной прозе, отражающей трансформацию идеалов русской жизни, в которой классикализация «русскости» оказывается и главным способом реформативного хронотопов большой прозы.

Во втором разделе изучение хронотопов, мотивов и художественных решений подчинено общей задаче понимания традиционализма одновременно как выстраивания моделей для литературных решений и критики моделей, которые могут быть подвергнуты суду традиции. Суждения традиции и суд традиции разграничиваются в рамках жанровых законов анализируемых произведений: различий в построении суждений о жизни и о литературе в большой, средней и малой прозе. Главными героями этого раздела стали В. Астафьев и В. Распутин. Хронотопы традиционной прозы рассматриваются как соединяющие реальное и воображаемое, причем так, что это соединение влияет на выбор формы прозы (Н. Ковтун, В. Степанова). Аксиология традиционной прозы изучается как часть темы воздаяния

(М. Перкиёмяки, А. Дырдин), как часть темы ответственности перед миром (Г. Михайлова, Т. Климова), как часть темы вечности, не сводимой только к «вечным ценностям» (И. Плеханова, А. Куляпин).

В третьем разделе рассматриваются мотивы традиционной прозы. Эти мотивы могут быть мифологическими (Е. Крикливец) или неомифологическими (М. Черняк). Традиционализм Солженицына (М. Сидор), А. Варламова (Т. Тернова) и других рассматривается как важная попытка совместить общую и локальную историю, общероссийский и региональный взгляд, так что противоречие между ними снимается не конфликтно, а как усиленное раскрытие потенциала традиции. При этом авторы предупреждают, когда такой традиционализм может идеологизироваться (Л. Немченко пишет о рефлексивной реинтерпретации традиционализма в театре Д. Крымова как критике идеологи, А. Разувалова исследует моду на традиционализм как маркер принадлежности к определенной группе). Противодействием идеологии оказывается честная передача мотивов, мотивная организация произведения, в которой идеологический мотив никогда не может стать главным. Именно противостояние честных мотивов идеологическим интерпретациям традиции — тема ключевой теоретической статьи раздела (И. Багратион-Мухранели), в которой исследуется мотивная структура произведения как структура творческой памяти литературы.

Наконец, последний раздел посвящен особенностям литературной рефлексии в традиционалистской литературе и соответствующим режимам чтения и нормативным в вузовской практике режимам интерпретации. Писательская рефлексия оказывается главным институтом существования традиционной литературы (Т. Никонова, Е. Галимова). Подхваченная теоретиком или переводчиком рефлексия, осознание, каков статус этого «чтения», создает особые правила прочтения и перечитывания произведений (О. Турышева, пишущая о традиционализме как герменевтической лаборатории, примиряющей разные типы и привычки чтения). Также понимание статуса «традиционного чтения» способствует систематической интерпретации смыслов в переводах прозы В. Астафьева и В. Распутина на разные языки, от французского до китайского (В. Разумовская, В. Горшкова, И. Алексеева, В. Никитенко). Перед на-

ми не надуманное своеобразие ряда литературных направлений, а единственный способ разобраться, где традиция оказывается фактором языка или культурного существования, а где она является источником для независимых критических суждений о происходящем. Именно литературная рефлексия и нормирующие режимы чтения в традиционной литературе не позволяют критическим суждениям превратиться в идеологическую критику современности с позиций традиции.

Коллективный труд о традиционализме — важная лаборатория исследования традиционализма, не сводящая его к сумме установок или художественных решений, но напротив, постоянно вскрывающий рефлексивный потенциал традиционализма, его способность формировать новые художественные программы с приоритетом критического сознания над некритическим. Традиционализм как идеологический принцип критикуется самими законами, по которым в прозе строится повествование: необходимостью считаться с топосами и хронотопами, движением нарратива и параметрами формы. Труд исключительно важен для понимания художественности значительной части произведений отечественной литературы XX — начала XXI века и может быть рекомендован для всех, занимающихся историей литературы данного периода и интерпретацией произведений в научных или учебных целях.

ЛИТЕРАТУРА

Большакова А. Ю. Нация и менталитет: феномен «деревенской прозы» XX века. — М., 2000.

Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков. Серия. Универсалии культуры. — Вып. VI: монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. — М.: Флинта: Наука, 2015.

Скляр О. Н. «В заговоре против пустоты и небытия»: Неотрадиционализм в русской литературе XX века. — М., 2014.

REFERENCES

Bol'shakova A. Ju. Nacijamentalitet: fenomen «derevenskojprozy» XX veka. — M., 2000.

Sibirskaja identičnost' v zerkale literaturnogo teksta: tropy, toposy, zhanrovyeformy XIX–XXI vekov. Serija. Universalii kul'tury. — Issue VI: monografija. / ed. N. V. Kovtun. — M.: Flinta: Nauka, 2015.

Sklyarov O. N. «V zagovore protiv pustoty i nebytija»: Neotradicionalizm v russkoj literature XX veka. — M., 2014.

Данные об авторе

Александр Викторович Марков — доктор филологических наук, профессор кафедры кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет (Москва).

Адрес: 125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, 6.

E-mail: markovius@gmail.com.

About the author

Alexander Viktorovich Markov is Dr. Habil. in Philology, Assistant professor, Department of the Cinema and Contemporary Art Studies, Russian State University for the Humanities (Moscow).